

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

М.В. Бавуу-Сюрюн

Тывинский государственный университет

Отражение диалектного членения тувинского языка в фольклорных текстах *

Аннотация: Фольклорные тексты, бытующие у тувинцев Монголии, Китая и Тувы, имеют сходные черты, но различаются манерой исполнения. В совокупности они также, как и другие единицы языка, позволяют выделять ареалы диалектов и говоров тувинского языка. Будучи устойчивыми образованиями, они создают относительную хронологию языковых явлений.

Folklore texts existing in the culture of the tuvans of Mongolia, China and Tuva, have common features but differ by the manner of performance. Altogether as any other elements of the language, they allow to distinguish the areas of dialects and regional versions of the Tuvan language. Being stable formations they create a relative chronology of linguistic phenomena.

Ключевые слова: диалектизм, диалект, лексические ресурсы, фонетические особенности, фольклорный текст, мелодии, ареал распространения, региональные особенности.

Dialectism, lexical resources, phonetic particularities, folklore text, melodies, areal, regional characteristics.

УДК: 484.3.

Контактная информация: Кызыл, ул. Ленина 34. ТывГУ, кафедра тувинского и общего языкознания. Тел. (39422) 54166. E-mail: mira.bavuu_surun@mail.ru.

В исследованиях по тюркской, в том числе и тувинской диалектологии, объектом исследования являются, как правило, фонетические, грамматические и лексические диалектизмы. И это неоспоримо. Между тем в последние годы текст становится объектом интенсивного исследования в лингвистике, так как он понимается многими известными исследователями как целостная коммуникативная единица [Гальперин, 1981; Валгина, 2004; Тураева, 2009]. Исходя из этого понимания, в настоящей статье мы используем небольшие по объему тувинские фольклорные тексты как интегральные и дифференциальные признаки диалектов и говоров тувинского языка. Известно, что фольклорные тексты отличаются своей устойчивостью, что позволяет также с некоторой относительностью установить хронологические рамки изоляции отдельных диалектов и говоров.

В настоящей статье используем записи фольклорных текстов, сделанные нами во время экспедиций в Монголию и Китай в 2010 году, они даны без ссылок. В остальных случаях указаны источники получения информации. Тексты взяты из ранее опубликованных работ.

К малым фольклорным формам относятся пословицы, поговорки, загадки, песни. Большое количество пословиц и поговорок совершенно идентичны у тувинцев Монголии, Китая и Тувы. Например:

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Грант 10-04-63308а/Т.

<i>Эки кижиге эш муң чок</i> <i>Эки аътка ээ муң чок</i>	У хорошего человека друзей полно У хорошего коня хозяев полно.
<i>Шаг шаа-биле турбас</i> <i>Чавылдак көгү-биле турбас</i>	Время не остается неизменным Цветок ириса не остается неизменно синим.
<i>Боду ушкан оол ыглавас</i>	Ребёнок, упавший сам, не плачет
<i>Даай улуг бе, даг улуг бе</i>	Дядя (по матери) больше, или гора больше.

Мы провели сравнительный анализ пословиц и поговорок у тувинцев Монголии и Тувы. Из 341 пословицы, записанной у тувинцев Цэнгэла Г. Золбаяром [1993], 135 полностью оказалась идентичны текстам, фиксируемым в Туве, у 48 имеются варианты, остальные 159 принадлежат тувинцам Монголии. В загадках абсолютно идентичных текстов меньше, чем в пословицах, но все же они есть, особенно в загадках о юрте, явлениях природы, о домашних животных. Например:

<i>Үне калбаи, кире калбаи</i> (Дверь юрты.)	Выйдешь - плюх, зайдешь – плюх
<i>Кежээ келир,</i> <i>Эртен чанар</i> (Войлочное покрывало дымохода юрты)	Вечером приходит Утром возвращается домой
<i>Дөрт кижиге малгаи чуурду,</i> <i>Ийи кижиге ыракты кайгады,</i> <i>Ийи кижиге харыыл болду,</i> <i>Бир кижиге сээк хоюсту,</i> <i>Бир кижиге сизген хадыды</i> (4 ноги, глаза, 2 горба, хвост, рот верблюда)	Четыре человека месяц грязь, Двое разглядывают даль, Двое стали охранниками, Один разгоняет мух Один косит траву.

Совершенно очевидно, что идентичные тексты загадок, пословиц и поговорок свидетельствуют о единстве корней зарубежных диалектов тувинского языка с диалектами современного тувинского языка, а также о том, что они функционировали в языке еще до зарождения диалектных различий.

Также известно, что народные песни, частушки имеют региональные особенности. Индикаторами территориальной принадлежности текстов песен тувинцев в первую очередь служат топонимы, которые в изобилии используются в песнях о малой родине. Например: «Хандагайты», «Бай-ла-Тайгам», «Өдүген-Тайга», «Теве-Хая» и т.п.. Исследователи отмечают в них «лирико-созерцательный характер; основной, обобщающий поэтический образ этих песен – образ родного края» [Аксенов, 1964, с. 28].

Принадлежность текстов песен к определенному ареалу Тувы явно видна по топонимам, тематическим группам лексики. Например, тексты, характерные для Тоджи:

<i>Шулун оътка ивиң оъткар,</i> <i>Шуглак-дөжээн урдулап ал.</i>	Дай пастись своим оленям на траве ягель. Вещи, лежанки свои собери и навьючи.
<i>Эмзиг оътка ивиң оъткар,</i> <i>Энчек-шуглаан урдулап ал.</i> [Кушкаш, 1996, с. 28].	Дай пастись своим оленям на лекарственных травах. Вещи, одеяла свои собери и навьючи.

Здесь экзотизмы *шулун* ‘ягель’, *иви* ‘олень’, также лексический диалектизм *урдулаар* ‘навьючить’ указывают на региональный характер текста народной песни.

*Чазый болзаң шааның хоржок,
Чаамга холуң дээритпес мен.*

*Чилби болзаң, шааның хоржок,
Чилимге холуң дээритпес мен.*

[Кушкаш, 1996, с. 31].

Если ты жаден, то вообще нельзя,
Не дам дотронуться рукам твоим
до сала моего.

Если ты жаден, то вообще нельзя,
Не дам дотронуться рукам твоим
до костного мозга.

Во втором тексте использованы охотничьи эвфемизмы *чаг* ‘сало’ вместо табуированного слова *адыг* ‘медведь’, *чилиг* ‘костный мозг’ вместо *сыын* ‘марал’ (любое крупное копытное животное, костный мозг которого охотники употребляют сырым сразу после отстрела). Помимо этого в тексте имеются грамматические диалектизмы: форма условного наклонения =за=ң вм. лит. =зы=ң=за [Чадамба, 1974, с. 104]; наречие *шааның* вм. лит. *черле* ‘вообще’ [Чадамба, 1974, с. 79].

Следующий текст отличается от других подобных текстов количеством слогов на строке, если для центральной Тувы традиционно характерны восьмисложные строки песен, то у данной песни, распространенной на Тодже, 10–11 слогов в строке. Увеличение количества строк добивается прибавлением частицы *-ла* ко всем словам, кроме последних:

*Доора-ла, кыяа-ла сагынмас мен,
Доора-ла-Хемим-не кадыргылыг.
Тогдук-ла кушкаш-ла ужуп-ла келгеш,
Тодуп-ла чанар-ла Доора-ла-Хемим.*

[Кушкаш, 1996, с. 27].

Не вспоминаю ничего плохого,
Доора-Хем мой с хариусом.
Птица дрофа, прилетев,
Насытившись, улетает
Доора-Хем мой.

Кроме того, мелодия этой песни отличается от песен, бытующих как по всей остальной Туве, так и от мелодий песен других малочисленных групп тувинцев, проживающих вне пределов Тувы, кроме жителей сумона Цагаан-Нур Хубсугульского аймака Монголии [Кушкаш, 1996, с. 26]. В ней протяжно поется первый слог фонетического слова, остальные два слога короче, чем первый. Рисунок песни можно показать символично при помощи тире и дефиса.

-- / --- / --- / -- / -- /
-- / --- / --- / -- / -- /

Тире обозначает протяжный слога, а дефис – короткий слог.

Таким образом, можно утверждать, что этот текст песни принадлежит исключительно коренным жителям Тоджи и тувинцам Цагаан-Нура, и характерен для тоджинского диалекта тувинского языка, то есть можно считать его дифференциальным признаком.

А у жителей юго-западного кожууна Тувы Овьюра в мелодии песен протягивается второй слог:

Өвүр хады хадый-ла бээр
Өңнүүн сактып ыглай-ла бээр
Саглы хады хадый-ла бээр
Сарыын сактып ыглай-ла бээр.
[Тыва кожамыктар, 1965, с. 205].

Ветер Овьюра как начинает дуть,
Друга своего, вспоминая, плачет.
Ветер Саглы начинает дуть,
Любимую свою, вспоминая, плачет.

Рисунок песни будет выглядеть вот так:

-- / - . / --- / -- / -- /
-- / - . / --- / -- / -- /

Таким же образом отличаются отдельные тексты фольклора тувинцев Китая, но в то же время показывают неразрывную связь с фольклором групп тувинцев, проживающих в сумонах Буянт Кобдоского аймака и Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймаков, сумона Селенга Центрального аймака Монголии. Это можно видеть в народных песнях о родной земле «Эви-Хем», «Көңгурай». Эти песни были опубликованы в работах Эрики Таубе [Таубе, 1995, с. 16, 34–35], Г. Золбаяр [Золбаяр, 1993, с. 30, 22–23], У. Цэцэгдарь [Цэцэгдарь, 2003, с. 68–69]. Песня «Эви-Хем» неоднократно фиксировалась нами у китайских тувинцев, и в многочисленных экспедициях по Монголии с 1990-х годов и по сей день:

*Эргилип аьккан Эви-Хем
Эдержип өскен өөр-черге.*

Извиваясь течет Эви-Хем,
Выросшие вместе друзья-погодки.

*Турнугун аккан Тураган-Хем
Туттунчуп өскен өөр-черге.*

Спокойно течет река Тураган-Хем,
Взявшись за руку выросшие друзья-погодки.

*Харгылып аккан Харааты-Хем,
Гаткыржып өскен өөр черге.*

Стремительно течет Харааты-Хем,
В союзе выросшие друзья-погодки.

Топонимы *Эви-Хем*, *Харааты-Хем*, *Тураган* в этих песнях обозначают реки и озеро Тураган, находящиеся на приграничной территории между Китаем и Монголией, которая проходит по гребню горной гряды Алтай. Эви-Хем впадает в реку Иртыш, Харааты – в реку Кобдо [Таубэ, 1995, с. 16]. На этой территории тувинцы издавна пасли свой скот, сейчас она разделена между двумя государствами. Исследователи считают, что алтайские тувинцы все родом из этих мест.

Вторая по частотности исполнения у зарубежных тувинцев песня «Конгурой» известна Туве по репертуару фольклорных ансамблей «Гыва», «Хун-Хурту», «Чиргилчин» и народных хоомейжи Конгар-оола Ондара и Кайгал-оола Ховалыга. В песне тоска по родине выражается риторическими вопросами, и их повтор усиливает эмоциональное состояние человека, его грусть. Нами во время экспедиции в Китай летом 2010 г. зафиксировано 2 варианта этой песни, которые приводятся ниже.

Конгурой 1-й вариант

Аьлдан четкен чылгымның хоой, хоой, хоой, хоой
Шестидесяти голов достигшего моего табуна
Алазы кайда, Конгурой хоой, хоой, хоой, хоой?
Где же пестрая часть, Конгурой?
Алты кошуун чоңумнуң хоой, хоой, хоой, хоой
Народа моего из шести кожуунов
Аалы кайда, Конгурой хоой, хоой?
Где же стоянка, Конгурой?
Конгурой хоой, хоой.

Чеден четкен чылгымның хоой, хоой, хоой, хоой
Семидесяти голов достигшего моего табуна
Челизи кайда, Конгурой хоой, хоой, хоой, хоой?
Где же привязь, Конгурой?
Чиди кошуун чоңумнуң хоой, хоой, хоой, хоой
Народа моего из семи кожуунов
Чельези кайда, Конгурой?
Где же привязь, Конгурой?
Конгурой хоой, хоой, хоой, хоой.

2-й вариант

<i>Алдан четкен чылгымның</i>	Шестидесяти голов достигшего моего табуна
<i>Алазы кайда, Коңгурой ?</i>	Где же пестрая часть, Конгурой?
<i>Алды кошуун чуртумнуң</i>	Страны моей из шести кожуунов
<i>Аалы кайда, Коңгурой ?</i>	Где же стоянка, Конгурой?

<i>Чеден четкен чылгымның</i>	Семидесяти голов достигшего моего табуна
<i>Челизи кайда, Конгурой</i>	Где же привязь, Конгурой?
<i>Чеди туман (түмэн) шеримниң</i>	Моего войска в семь тумэн
<i>Бээзи кайда, Коңгурой?</i>	Где же бег, Конгурой?

В данном варианте слово **туман** произносится с начальным сильным придыхательным [ʔ], в последней строке имеется слово **бег** 'военачальник', поэтому можно считать, что в данном случае имеется ввиду слово **түмен** 'десять тысяч', об этом же говорит слово **шериг** 'войско'.

Несколько вариантов этой же песни, исполненной цэнгэльскими тувинцами, записала Эрика Таубе. В своей статье мы приводим только один из этих вариантов:

1 вариант

<i>Алдан джетткен джылгымның</i>	Где же пестрая часть моего табуна
<i>Алазы гайдал, Хонгурай?</i>	достигшего шестьдесят голов, Хонгурай?
<i>Аралай хонган аалымның</i>	у юрт, стоящих чередой,
<i>Агазы гайдал, Хонгурай?</i>	Где же верховодитель, Хонгурай?

<i>Джеден джегткен джылгымның</i>	Где же коновязь моего стада
<i>Джелези гайдал, Хонгурай?</i>	в семьдесят голов, Хонгурай?
<i>Джеди гожуун джууртумнуң</i>	Страны моей из семи кожуунов
<i>Шери гайдал, Хонгурай?</i>	Где же войско, Хонгурай?

<i>Алдан ала джылгымның</i>	Табуна моего пестрого в шестьдесят голов
<i>Алазы гайдал, Хонгурай?</i>	Где же пестрая часть, Хонгурай?
<i>Алды гожуун джууртумнуң</i>	Страны моей из шести кожуунов
<i>Шери гайдал, Хонгурай?</i>	Где же войско, Хонгурай?

[Таубе, 1995, с. 35–36].

Записи, сделанные нами, и тексты песен, опубликованные Э. Таубе, отличаются. Эти отличия состоят в следующем:

1) обозначением согласных **ч** и **к**, которые соответствуют **дж** и **г** в записях Таубе. Причина такого разнобоя фиксации проста: в наших записях мы следуем графике и орфографии тувинского языка, а в записях Э. Таубе используется графика монгольского языка. Кстати, в произношении тувинцев Цэнгэла название сумона в соответствии с правилами орфографирования литературного тувинского языка следовало бы писать *сумон Сенгил*, но следуя традициям правописания монгольского языка, а также во избежание ошибок в восприятии информации мы в своих публикациях пишем *Цэнгэл*.

2) в названии песни видно соответствия **к ~ х**, что характерно для диалектов тувинского языка.

3) нами зафиксированы междометные слова *хоой-хоой*.

Во всех вариантах песни «Когурай», исполненной информантами из Монголии (Цэнгэл, Кобдо, Селенга) и Китая, сохраняется тема малой родины, тоски по родине, осознания горькой утраты родной земли. Думаем, что она для этих небольших групп тувинцев, проживающих в отдалении от более многочисленной части, актуальна. Все информанты в Китае и Монголии говорили, что изначально сумонов, где проживали тувинцы, было семь. Сейчас их численность сократилась

под влиянием ассимиляции, и они уже представляют меньшинство на своих исконных землях. Отсюда и объясняется то, что варианты песни «Конгургай» отличаются количеством куплетов от 2 до 7. В работе Э. Таубе есть вариант, который содержит 7 куплетов, начиная с 30 голов скота и 3 кожууна до 100 голов скота и 10 кожуунов, в остальных упоминаются цифры 60–70 голов скота, 6–7 кожуунов. Упоминание в тексте песни сочетания *6–7 кожуун*, правдиво отражает историю, поэтому эту песню можно назвать исторической. В работе Э. Таубе отмечено, что информант Сергей, исполнивший эту песню, объяснил, что *Курай* – имя известного предводителя войск семи кожуунов тувинцев во времена Чингис-Хаана. Другой информант Хожабай оглу Дамдин (представитель тувинцев Селенги) сообщил, что именно этой песней начинались любые праздничные торжества тувинцев (информант имеет в виду тувинцев Селенги и Цэнгэла) до недавнего времени, пока не заменили урянхайской (монгольской) застольной песней «Дөрвөн зүхтээ сангай ‘Имеющий сан на четырех сторонах’ (сан – сооружение из камней для проведения обряда обкуривания) [Таубэ, 1995, с. 34–35].

Таким образом, можно заключить, что песня «Конгургай» является локальной, так как она не встречается в текстах, собранных в Туве, но с 90-х годов прошлого столетия она прочно вошла в репертуар фольклорных ансамблей Тувы. Скорее всего, эти локальные песни появились гораздо позже, уже после того, как тувинцы Китая и Монголии (Цэнгэльские, Кобдосские, Селенгинские) отделились от основной территории. По словам многих информантов, тувинцы Китая оказались в Китайском Алтае, перемещаясь на запад в составе войск Чингис-Хаана в XIII веке.

Слово *конгурой* есть в одной народной песне, бытующей в Туве. Но текст, мелодия и манера исполнения совершенно отличны от зарубежной песни:

Куу-ла дагның баарындан конгургой
У подножья серой горы конгургой.
Кудук касса, унмейн канчаар конгургой
Колодец вырыть если, конечно, выйдет (вода) конгургой.
Кускун кара кулугурну конгургой
Единственную ненаглядную конгургой.
Кудалаза, албайн канчаар конгургой
Если сосватать, почему бы не взять (в жены) конгургой.
[Тыва кожамыктар, 1965, с. 65].

Здесь слово *конгургой* является междометием, которое используется наряду с такими словами как *а-шуу декей-оо*, *дыңылдай* в традиционной песенной культуре тувинцев, проживающих в Туве, и которые практически не переводятся. В текстах песен монгольских и китайских тувинцев слово *конгургай* используется как личное имя, обращение. Тем не менее слово *конгургой* наталкивает на мысль о наличии общности в песенной культуре тувинцев Тувы, Монголии и Китая. Многочисленные варианты текста песни «Конгургай» у тувинцев Китая и Монголии свидетельствуют об их локальном зарождении именно там. В Туве бытует только один концертный вариант с 4 куплетами, последние 2 из которых явно созданы в Туве (информант К.Б. Ондар).

Особо хочется сказать об особенностях мелодий. Песни о родине тувинцев Китая и Монголии исполняются в протяжной манере, причем на несколько тактов протягивается широкий гласный (а или э) в двусложных глаголах *ак=кан* ‘текущей’, *өс=кен* ‘выросшей’, которые находятся в середине строки. На одну и ту же мелодию могут переложить слова и других песен. Думается, что такая исполнительская традиция является результатом прямых контактов с монгольскими племенами в течение длительного времени, хотя в текстах этих песен нет монголизмов. В то же время этот факт подтверждает устойчивость фольклорных текстов.

В центральной Туве мелодии песен о родине индивидуальны, исполнители, как правило, выбирают песни, прославляющие красоты их малой родины. Отсутствует мотив поиска своей родины, но есть тексты о тоске по малой родине людей, временно разъединенных разными жизненными обстоятельствами.

Следующая песня китайских тувинцев, на наш взгляд, имеет широкий контекст – тоска по родине, поиск своей родины. Но информант, исполнивший данную песню, объяснил, что здесь поется о судьбе девушки, выходящей замуж (замужняя женщина в старину уезжала жить на малую родину мужа и иногда годами могла не видаться со своей родней).

*Хая дашка чаяккаан
Хартыга куштуң чаяны ёң.
Хары чуртка чаяаккаан
Үрен хөөкүйнүң чаяны ёң.*

Рожденный жить на скалах
Видно, такова судьба сокола.
Рожденный жить на чужбине
Видно, такова судьба дитяти.

*Эзим, дагга чаяаккаан
Эзир-ле куштуң чаяны ёң.
Оске чуртка чаяаккаан
Үрен хөөкүйнүң салымы ёң.*

Рожденный жить в тайге
Видно, такова судьба орла.
Рожденный жить на чужбине
Видно, такова судьба дитяти.

Слова *үрен* ‘дитя’, *хартыга* ‘сокол’, *эзир* ‘орёл’ часто встречаются в текстах песен тувинцев Алтая, что не характерно для современной Тувы. Они отражают локальные особенности песенного фольклора тувинцев монгольского и китайского Алтая. Утвердительные частицы *ёң*, *ий* характерны для песен тувинцев Китая, мы не отмечали их у тувинцев Кобдо, Цэнгэла, Селенги.

Думается, что мотив поиска своей малой родины характерен для песен тувинцев Монголии и Китая. В опубликованных же в Туве песнях о родине присутствует мотив гордости своей малой родиной, любование красотами ее природы. Следует сказать, что эти же мотивы есть в других песнях тувинцев Китая. Например:

*Ээви –Хемни кешитим,
Эрээн-шоокар дажын көрүм.
Хайыртының суун кешитим,
Хаара-шоокар даажын көрүм.
Туруун-Хемни кешитим,
Тода-шоокар даажын көрүм.*

Переплыл я Ээви-Хем,
Видел я разноцветные камни её.
Переплыл я Хайырты,
Видел я черно-пёстрые камни её.
Переплыл я Туруун-Хем,
Видел я ярко-пёстрые камни её.

*Арба тараа чайгылган
Дороолжи булуңга бардың бай?
Инек малды семиртип*

Был ли ты на уголке Дороолжи,
Где рожь, пшеница колыхнется?
Был ли ты на его осенних, летних
пастбищах,

Күстүк, чайлаанга келдиң бей?

Чтобы скот свой нагулялся, стал тучным?

Текст следующей песни нам трудно было перевести из-за множества диалектизмов. Но смысл ее таков: звуки родного Алтая ласковы, приятны на слух, они как голос родной матери.

Энерелдиг ие

*Эрээн арга эдил хектиг Алдайымның
С кукушкой голосистой, широкий лес Алтай,
Эзинниң чаңгыргазы дыңналдырый.
Слышно эхо таежное.
Кур-кур кайнып шуураан ыыдын дыңнаарда,
Когда слышишь шум волнующий его кур-кур,
Көөркүлдүг ие сөзү дыңналдырый.
Слышен голос матери доброй.*

Бараан ыяш балдыргангы Алдайымның
 Могучими деревьями, борщевиком Алтай мой.
Бажы шимчеп шиви-пөжү көзүлдүрий.
 Верхушки качаясь, ели-кедры видны.
Кур-кур кайнып шуураан ыдын дыңнаарда,
 Когда слышишь шум волнующий его кур-кур,
Бааранчыг ие сөзү дыңналдырый.
 Слышен голос матери доброй.

Приведенные ниже тексты песен тувинцев Китая, абсолютно идентичны песням тувинцев Кобдо [Цэцэгдарь, 2003, с. 68–71]. Это объясняется тем, что тувинцы Кобдо бежали в 20–30-х годах прошлого столетия из Китайского Алтая (западной части Алтая) на ее восточную часть, спасаясь от резни [Цэцэгдарь, 2003, с. 7–9].

Акка тиккен өргээзи
 Алдын **билен** куржаглыг.
Аьлдын дагшада арыгысы
Аршан-чигьир амдангыг.

Поставленный на равнине дворец
 Золотом он опоясан
 В золотой чашке арака
 Сладок, как аржаан на вкус.

Төңгүлей тиккен өргээзи
 Мөнгүн **билен** куржаглыг.
Мөнгүн дагшада арыгысы
Узүм-чигьир амдангыг.

Поставленный на пригорке дворец
 Серебром он опоясан
 В серебряной чашке арака-его
 Сладок, приятен на вкус.

Чергелешкен Чеди-Хаан
Мергелезе, даң аьдар.
Чергелешкен бодувус
Чер кирсе, чер санай.

Протянувшаяся вереницей Медведица,
 Если станет колом, наступи утро.
 Выстроившиеся в шеренгу мы сами,
 Если встанем, то мы всюду.

Хары черге төрүүн эмес
Харга чүге дүьжерил?
Карактың чажы мөндүр эмес,
Черге-ле чүге дүьжерил?
 [Цецегдарь, 2003, с. 67].

Не родился же на чужбине
 Почему должен упасть на снег.
 Слезы не град,
 Почему должны падать на землю?

Музыкальный фольклор тувинцев Китая отличается некоторыми чертами от аналогичного жанра тувинцев Республики Тыва. Во-первых, – мелодией. Тувинцы Китая также как и тувинцы Монголии любят исполнять протяжные песни (узун ыры). Во-вторых, используются междометные слова *шүүй-шүүй, хоой-хоой; ий*, которые заменяют в литературном языке слова *а-шуу декей-оо, дыңгылдай, оой-ээй*. Все вышеуказанные междометные слова не переводимы, только в отношении слова *дыңгылдай* можно сказать, что оно является подражанием звука тувинского национального щипкового инструмента *дошулуур*.

Частушки. Тувинцы Китая и Кобдо их называют *шолук ыры* (баштак, кожан ыры).

Честек-кат бышкалак
Честем-оол келгелек

«Земляника вот-вот поспеет».
 «Зятек вот-вот придет».

Вариант этой же частушки у тувинцев Кобдо:

Честек-каттың быгышпазын,
Честем оолдың келбезин.
Каарган-каттың быгышпазын,
Катым оолдың келбезин

Никак не поспеет земляника.
 Никак не придет наш зятек.
 Никак не поспеет черника.
 Никак не придет наш зятек.

*Күскүн-каттың быгышпазын,
Худам оолдың келбезин,
Хурең-каттың быгышпазын,
Күдээм оолдың келбезин.*
[Цецегдарь, 2003, с. 66].

Никак не поспеет костяника.
Никак не придет мой паренёк-сват.
Никак не поспеет смородина.
Никак не придет мой женишок.

*Сегсе дүктүг тонумнуң
Чылыын канчап уттууйн.
Баъгай каълдар эжимниң
Чылыын канчап уттууйн.*

«Шубы моей из ягнячьих шкур
Как же мне забыть тепло
Бедненькой моей подружки
Тепло как мне забыть.

Мы сверяли имеющиеся припевки с текстами частушек, напечатанных в Туве, и пришли к выводу, что аналогичных текстов в них нет. Поэтому эти припевки можно считать принадлежащими только алтайским тувинцам.

В работе М. Монгуш напечатаны тексты нескольких песен. Но нас заинтересовала одна.

*Ойанчактың таалдары
Орай долган, ойнака.
Он-на бештиң чаажында
Ойнап-ойнап алаакай*
[Монгуш, 1997, с. 73].

Тальники для игрушек
Поздно налились, поиграем-ка.
В пятнадцатую молодую (луну)
Давайте, поиграем.

Тексты данных песен сходны с текстом песен молодежи во время летних игрищ «Ойтулааш». Аналогичные строки можно прочитать в книге М.Б. Кенин-Лопсана [2004]:

*Он-на бештиң айдыңында
Ойнап-ойнап алыылыңар.
Ортулуктуң чаи-ла хаагын
Ораап-долган ойнаалыңар.*
[Кенин-Лопсан, 2004, с. 69].

Светлой ночью пятнадцатого дня луны,
Давайте поиграем.
Островка молоды побеги тальника
Скручивая-заплетая поиграем.

В предисловии своей книги М.Б. Кенин-Лопсан пишет: «Жанр ойтулааша можно сравнить с испанской сарсуэлой. Кочевая культура и период истории тувинского народа, когда не было письменности, заложили основу жанра ойтулааш кожаннар. Ночная игра ойтулааш веками была популярна в народе. ...По истории возникновения сюжета он принадлежит к архидревним жанрам устного творчества народа...» [Кенин-Лопсан, 2004, с. 4]. Таким образом, данные частушки являются свидетельством того, что тувинцы Китая и Тувы имеют единые корни. Тексты отличаются личным оформлением глаголов.

Как видно, фольклорные тексты, бытующие у тувинцев Монголии, Китая и Тувы, имеют сходные и различительные черты. Будучи устойчивыми образованиями, тексты дают возможность установить относительную хронологию языковых явлений, выделить ареалы диалектов и говоров тувинского языка. Тексты малых фольклорных форм являются свидетельством генетического единства песенного фольклора тувинцев Китая, Монголии и Тувы с древнейших времен.

В то же время отмечаются локальные особенности в мотиве, мелодии, в структуре и размерах текстов песен, что позволяет объединить в единый ареал тувинцев китайского и монгольского Алтая и Селенги. Выделяется центральная Тува, в ней также можно видеть отдельные ареалы. Особняком стоит фольклор тувинцев Тоджи и Цагаан-Нура.

Литература

- Аксенов А.Н. Тувинская народная музыка. М., 1964.
Валгина Н.С. Теория текста. М., 2004.
Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2009.
Кенин-Лопсан М.Б. Ойтулааш. Ынакшылдың кожаңнары. (Классические образцы любовной лирики тувинского народа). Кызыл, 2004.
Монгуш М.В. Тувинцы Китая (историко-этнографический очерк). Кызыл, 1997.
Таубе Э. Барыын Моолда Сәгел тываларының ырлары ырлары. 'Песни цэнгэлтских тувинцев в западной Монголии'. Кызыл, 1995.
Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика. М., 2009.
Цэцэгдарь Уламсурэн. Образцы фольклора и речи кобдоских тувинцев. Кызыл, 2003.
Чадамба З.Б. Годжинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974.

Источники

- Гаага оглу Золбаяр. Алдын дагша. Улустуң аас чогаалы. Кызыл, 1993.
Таубе Э. Барыын Моолда Сәгел тываларының ырлары 'Песни цэнгэлтских тувинцев в западной Монголии'. Кызыл, 1995.
Кушкаш Т.Т. Тожунуң бурунгузу. Кызыл, 1996.
Тыва кожамыктар. Кызыл, 1965.
Цэцэгдарь Уламсурэн. Образцы фольклора и речи кобдоских тувинцев. Кызыл, 2003.